

### Отзыв официального оппонента

на диссертацию Беклямишева Владимира Олеговича «Исторические аналогии в политическом дискурсе», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.1 – История и теория политики.

Смелость диссертанта и работа, проделанная им, заслуживают одобрения и высокой оценки. Он взял на себя труд реабилитировать «аналогию», как предмет политического исследования и как методологический ресурс, использование которого способно вывести политическую науку на новый уровень возможностей в изучении политических дискурсов. Нужна ли такая реабилитация?

Многие современные профессиональные историки сказали бы, наверное, что нет. Когда-то аналогии с библейскими событиями летописцы судили о смысле событий, происходивших на их глазах<sup>=</sup> или в относительно близкое им время. По аналогии с грехопадением Адама и Евы авторы Смутного времени (И.А. Хворостинин, в частности) объясняли современникам причины несогласия, возникшего в конце XVI столетия в московском обществе и элитах. Но тогда присутствие аналогий в политических дискурсах летописцев и публицистов было оправдано их специфическими (эсхатологическими) представлениями о пространственных и временных свойствах политической жизни обществ и государств. Когда идею конца света потеснила идея прогресса рода человеческого, использование аналогий между событиями настоящими и прошлыми побудило историков видеть в ней не столько инструмент научного познания, получения достоверного знания о прошлом, сколько инструмент манипуляции массовым сознанием. Ещё в XIX столетии научный авторитет аналогии сильно подпортили, например, попытки историка И.Ф. Шиллера реконструировать историю народов, не оставивших письменных источников, по аналогии с историей народов, такие источники оставивших. Можно вспомнить и пример русского историка первой половины того же века М.Т.

Каченовского, использовавшего аналогии между историческими данными о правовых и хозяйственных практиках стран Европы и Древней Руси, для доказательства невозможности существования последней в том виде, в каком её нам рисуют летописцы. Претензии к формационной теории К. Маркса и Ф. Энгельса, громко зазвучавшие из уст историков в 90-е гг. прошлого столетия, тоже были оправданы не одной только нелюбовью к ней либералов, пришедших власти и задавших свою повестку идеологическим и научным дискуссиям. Так, у исследователей русского Средневековья и Нового времени не все концы сходились с началами, когда они пытались судить о свойствах российских феодализма и капитализма, о крестьянских «войнах» и протестных выступлениях рабочих по аналогии с тем, что ранее, или в то же время имело место в Европе. Немало подпортили репутацию аналогиям, как теоретическому инструменту, относительно недавние околонуточные эссеисы А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского на тему так называемой «новой хронологии». В частности, их избыточно прямые аналогии между показаниями разных исторических источников о деятельности разных исторических личностей, на основании которых они эти личности отождествляли. Историки, в большинстве своём, полагают, что даже если два исторических события или процесса очень похожи друг на друга, то это не повод проводить между ними аналогию, особенно если они удалены друг от друга в пространстве и времени. Похожесть, в данном случае, может быть не результатом реального совпадения признаков, а нашего субъективного желания это совпадение обнаружить и объяснить что-то новое и малоизвестное посредством старого и хорошо известного.

Понятно, что игнорировать это отношение коллег по гуманитарному цеху политологи не могут. Потому, в первую очередь, что сами часто обращаются к трудам историков как источнику аналогий между прошлым, настоящим и будущим политики. Потому, во вторую очередь, что компаративный подход пользуется большой популярностью у современных политологов, особенно международников, и проблема корректности аналогий

для компаративных исследований более чем актуальна. Политология как наука, предназначенная для прогнозирования и проектирования будущего, выявления и оценки всевозможных рисков, вся построена, в принципе, на сопоставлении чего-то с чем-то.

При этом, для сомнений в полезности аналогий у политологов есть и собственный исторический повод. Можно привести в пример политическую теорию Ш. Фурье, в рамках которой анализ и проектирование социально-политических процессов был полностью построен на аналогиях между социальными отношениями и математическими моделями. Политологи, занимающиеся проблемами государственной политики, помнят, что не оправдала себя на практике идея создания в послереволюционной России «государства диктатуры пролетариата» по аналогии с «государством типа Парижской Коммуны». Ещё лучше они помнят о тех драматических политических последствиях, которые повлекла за собой вера Е. Гайдара и «его команды» в возможность реорганизовать политику и экономику в России в режиме «демократического транзита», то есть, по аналогии с тем, как они развиваются в странах Западной Европы.

Так что диссертант, по моему мнению, взялся за большое и нужное дело: отделить «зерна от плевел» в нашем современном представлении о сущности «анalogии» вообще и «исторической аналогии», в частности и тем дополнить методологию политических исследований (не только исследований политических дискурсов, а более широкого круга коммуникативных практик) легитимным теоретическим инструментарием. Это, в настоящий момент, очень актуальная работа.

Диссертант проработал большой массив отечественных и иноземных публикаций по теории аналогий и теории политического дискурса. Каждую из теорий он подробно разобрал на детали и каждую деталь показал под разными углами зрения. В этом смысле, он продемонстрировал **исследовательскую добросовестность**, я бы даже сказал перфекционизм. Текст диссертации не даёт поводов к подозрению, что диссертант копировал чьи-то

исследовательские процедуры. Видно, что он работал **самостоятельно** и выводы, к которым он пришёл, это его собственные выводы, они **аргументированы и достоверны**. Стремление диссертанта детально разобраться в философских понятиях, интерпретациях и классификациях соответствует его намерению (обозначено в качестве цели диссертации) выявить закономерности появления на свет исторических аналогий и их функционирования в политических дискурсах. Понятно, что раз речь идёт о дискурсах, то без чёткости понимания исследователем их структурных элементов и корректности употребления им философских дефиниций, характеризующих тот или иной элемент, закономерностей ему не опознать и не сформулировать. Либо, в противоположном случае, формулировки будут расплывчатыми и в них трудно будет усмотреть новизну авторского вклада в политическую науку.

Можно только одобрить, что диссертант провёл такую кропотливую работу над философским инструментарием своей диссертации. Последняя получила **законченный вид**, в ней представлен **новый авторский взгляд** на аналогию, как предмет политического исследования и теоретический инструмент изучения политических дискурсов. В этом, я думаю, её **научная ценность**, как **завершённого решения важной теоретической задачи**.

Не все рассуждения диссертанта на тему исторических аналогий я бы принял безоговорочно. Потому, в первую очередь, что на многих из них лежит отпечаток того, что я бы назвал «методологическим соблазном» начинающего исследователя. Соблазн этот возникает, обычно, по следам искренней уверенности исследователя, что предшественники, образно говоря, «отчеканили золотые монеты» теории, а ему суждено собрать воедино и превратить в теоретическое «богатство». Осуществить, иначе говоря, «методологический синтез», сделать реально работающим теоретическим инструментом то, что для предшественников было только идеалом. Технология превращения идеала в реальность в этом случае, обычно, стандартна и проста. Диссертант, обычно, уверен, что если собрать все теоретические относительно

объекта и предмета его исследования суждения (желательно из области классических теорий созданных зарубежными специалистами), если из каждого такого суждения выделить какие-то наиболее «методологичные» идеи, то получится набор высококачественных деталей. Из них можно будет собрать ту или иную, но обязательно отвечающую требованиям «методологического синтеза» оригинальную авторскую методологию исследования.

Чаще всего такие усилия заканчиваются тем, что начинающий исследователь тонет в широком потоке определений, интерпретаций, классификаций и категорических оценок, некогда высказанных «классиками», оспорить которые и противопоставить которым своё собственное мнение он внутренне не готов. Потому что ведь они классики, а часто ещё и классики зарубежной политической и философской наук, которые, по определению, всегда произносят только истины, подлежащие заучиванию и не подлежащие критике.

Диссертация выиграла бы, на мой взгляд, если бы диссертант меньше прятал свою собственную позицию, своё собственное понимание происхождения и работоспособности исторических аналогий в дискурсивных практиках за цитатами из трудов многочисленных отечественных и ещё более многочисленных зарубежных авторов. Если бы он более **смело высказывал свою собственную позицию**. Тогда, возможно, не возникала бы двусмысленность некоторых авторских тезисов, которые имеют большое значение для оценки именно вклада диссертанта в методологию политических исследований.

Показательна, в этом смысле, такая характеристика диссертантом новизны своего вклада в политическую науку: «Разработана и апробирована отечественная методология изучения исторических аналогий во внешнеполитических дискурсах с использованием методологических решений Н. Онуфа». Не самая, на мой взгляд, удачная формулировка. Она выдаёт веру диссертанта в незыблемость авторитета зарубежных классиков и провоцирует у читателя дополнительные вопросы. Вопрос, в частности, по поводу

«отечественности» такой методологии. Насколько она «отечественная», раз в ней использованы достижения зарубежных теоретиков, а меру такого использования диссертант в данном случае, никак не оговорил. И другой вопрос: насколько его, диссертанта, теоретический взгляд на происхождение и изучение исторических аналогий отличается от взгляда упомянутого Н. Онуфа?

Второй момент, по которому я хотел бы высказать альтернативную позицию, касается логики построения исследовательской процедуры в диссертации. Понятно, что диссертант является заложником традиции структурирования квалификационных работ по политологии. Эта традиция требует, чтобы первая глава диссертации была преимущественно теоретической, а вторая преимущественно практически ориентированной. Настоящее исследование представляет собой, на мой взгляд, как раз тот случай, когда разумно было бы в интересах исследования от этой традиции отступить. Отступить для того, чтобы ярче показать наработки диссертанта именно с точки зрения их научно-практической значимости. В диссертации по теории и философии политики могут быть реализованы, потенциально, две альтернативные стратегии: автор может идти от теории к фактам и, в другом варианте, от фактов к теории.

Автор настоящей диссертации проделал свою работу в русле первой стратегии. Тем самым он заставил читателя гадать, насколько все многочисленные теории, представленные в первой главе диссертации, будут работоспособны за пределами тех двух дискурсов - «грузино-абхазского» и «пандемийного» - на примере которых диссертант постарался продемонстрировать такую работоспособность. Читатель вынужден догадываться сам, как весь этот огромный теоретический опыт, аккумулированный диссертантом в первой главе, соотносится с аргументированными, но пессимистическими оценками диссертантом сопряженности этого опыта построения теории аналогий с возможностью его практического применения к изучению разнообразных политических дискурсов, если: «... проблемное поле по-прежнему объединено лишь

изучаемым предметом, оставаясь глубоко фрагментированным в методологическом плане. Фактическое отсутствие обобщающих исследований не позволяет концептуализировать понятие «исторической аналогии» и соотнести его со смежными терминами» (С.11). Или: «... следует констатировать, что понятие исторической аналогии вплетено в обширную систему смежных концептов, некоторые из которых в ряде исследований используются как синонимы» (С.52). Или вот так: «Даже однозначное подтверждение того, что лицо, принимающее решение, находилось под влиянием исторической аналогии, не дает оснований утверждать, что на него одновременно не оказывали влияния другие, в том числе неизвестные исследователю, обстоятельства. Ситуация осложнена и тем, что при анализе случаев принятия решения в группе чрезвычайно сложно определить, когда историческая аналогия использовалась «когнитивно», а когда представляла собой убеждающий прием» (С.73). И уж чтобы, наверное, совсем огорчить читателя, диссертант честно признаётся, что: «... результаты ранее проведённых исследований не позволяют однозначно подтвердить способность исторических аналогий влиять на политические установки и стереотипы» (С.87). Получилось, что фактический материал, предназначенный в диссертации для апробации достижений науки в части теории аналогий, оказался по своим репрезентативным свойствам значительно уже того массива теоретических наработок, методологическую ценность которых он был предназначен подтвердить. Во второй главе диссертации нашла применение только некоторая часть того теоретического ресурса, который диссертант наработал в первой главе. Если диссертант намерен продолжить работу в избранном направлении, то разумно, мне думается, было бы ему апробировать вторую стратегию. То есть, разобраться с теоретическими конструкциями, отгалкиваясь, при этом, от конкретных условий практических задач. Диссертант, кстати, неоднократно подчеркивает по ходу своей диссертации, что каждый раз теоретические представления об аналогии надо соотносить с той конкретной ситуацией функционирования политического дискурса, частью

которого эти аналогии являются, а также с тем, с каких теоретических позиций нам бы хотелось на эту ситуацию посмотреть. Это верное и ценное наблюдение, а, главное, продуктивное. Оно продуктивно именно для развития методологии прикладных политических исследований. При реализации этой альтернативной стратегии теоретичность диссертации бы не снизилась, тогда как её практическая методологическая значимость и востребованность политологами-прикладниками, только бы возросла.

Третье соображение касается одной из главных новаций, привнесённых диссертантом в теорию и практику изучения аналогий. Диссертант правильно заметил, что во многих философских схемах «субъект аналогии» как бы предполагается. Ему, в то же время, не придаётся самостоятельного значения. Нередко, его существование просто не учитывается исследователями в ряду главных факторов, направляющих, по их версиям, политическое сознание по пути поиска аналогий политическому настоящему в политическом прошлом. Диссертант в решении этой действительно важной для политологии проблемы (в отличие от философов политологи изучают не абстрактного человека и его бытие, а конкретных субъектов политики, включенных в специфические системы социально-властных коммуникаций) идёт опять же «от теории». В результате, у него получилась весьма спорная характеристика этого «субъекта»: «Применительно к анализу политического дискурса представляется целесообразным дополнить структуру аналогии, выработанную в рамках формальной логики, еще одним элементом – субъектом, который может быть как индивидуальным, так и коллективным» (С.16).

Диссертант задаёт этот вопрос, а сам на него не отвечает. Субъект является структурным элементом аналогии? Или её творцом? Если он структурный элемент, то, выходит, что аналогия существует как бы сама по себе, вне сознания человека. Тогда субъект – лишь инструмент её распространения в политических коммуникациях. Диссертант явно не идеалист. Вероятно, имеет место неудачная формулировка, Диссертант, надеюсь, уточнит её в ходе защиты.



**Вывод:** Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.5.1 – История и теория политики, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертация оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Таким образом, соискатель Беклямишев Владимир Олегович заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.1 – История и теория политики.

Официальный оппонент: профессор кафедры политических наук  
Юридического ф-та ФГБОУ ВО «Саратовский национальный  
исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»,  
доктор политических наук Шестов Николай Игоревич  
10.04.2023

Контактные данные:

**Шестов Николай Игоревич** \_\_\_\_\_, тел. 8200300300.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:  
23.00.01 – «Теория политики, история и методология политической науки».

Адрес места работы: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская 83, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»; Тел.: +7 (8452) 26 - 16 - 96; e-mail: rector@sgu.ru

Подпись сотрудника ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»  
Н.И. Шестова удостоверяю: Учёный секретарь ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» кандидат химических наук, доцент